

Голос прозвучал негромко, даже как-то буднично, но в напряжённой тишине пустынного переулка он привлёк внимание всех присутствующих мгновенно, словно щелчок взведённого курка.

Лю Цинъян, только что самодовольно ухмылявшийся, наблюдая за расправой, дёрнулся так, будто его ударили током. На лице его, и без того некрасивом, отразилась сложная гамма чувств: удивление, смешанное с неподдельным, животным страхом, и тут же — жалкая, заискивающая готовность угождать. Он нервно потёр вспотевшие ладони, словно пытаясь стереть с них следы своего ничтожества.

— Господин Гу! — воскликнул он, и голос его против воли сорвался на фальцет. — Вы-то... вы как здесь оказались?

Гу Хэнчжи стоял, небрежно прислонившись плечом к шершавой стене старого здания. В пальцах его была зажата незажжённая сигарета — он вертел её рассеянно, словно мысли его были далеко отсюда. Выражение лица — тёмное, непроницаемое, как ночное небо перед грозой, — не давало ни малейшей зацепки, чтобы угадать, что у него на уме.

В Дэинь, элитной школе с охраной уровня президентского дворца, телохранители, нанятые богатыми семействами, не имели права появляться на территории. Но за воротами школы, на этих узких, кривых улочках, законов никто не писал. Лю Цинъян специально выбрал этот момент, когда Цзи Линьсюэ покинул безопасную территорию, чтобы устроить свою подлюю расправу. Кто же мог предположить, что он наткнётся на самого Гу Хэнчжи?

Пришлось, криво, неестественно улыбаясь, оправдываться, путаясь в словах:

— Я... я ж для его же блага, господин Гу! — зачастил он, сглатывая вязкую слюну. — Он тут новенький, совсем зелёный, правил здешних не знает, со всеми подряд ссорится, нос задирает. Не проучить как следует — ума не наберётся, себе же хуже сделает. Вы же, господин Гу, я слышал, тоже его... недолюбливаете? — последнюю фразу он произнёс с такой подобострастной надеждой в голосе, что это звучало почти жалко.

— С чего ты это взял? — Гу Хэнчжи улыбнулся — одними уголками губ, но взгляд его, устремлённый на Лю Цинъяна, оставался ледяным, колючим, не предвещающим ничего хорошего. — Он мой человек. Я могу с ним делать всё, что захочу. Хоть каждый день обижать, хоть... — он сделал паузу, — хоть каждый день спасать. Это моё право. А вам, — голос его стал тише, но от этого ещё более угрожающим, — вам — нельзя.

Лю Цинъян неловко, натянуто хохотнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Конечно-конечно, господин Гу, что вы, я всё понимаю, — закивал он, как китайский болванчик. — Господин Гу, как всегда, прав.

— Толпа здоровых лбов, — Гу Хэнчжи окинул презрительным, брезгливым взглядом

валяющихся в беспорядке на земле людей, которые всё ещё не решались подняться, — а одного, щуплого на вид, завалить не смогли. И после этого ещё смеете рыпаться, провоцировать?

Рыжий, главный зачинщик, вместе со своей разношёрстной компанией побагровели от стыда так, что даже в сумерках было заметно. Они дружно, словно по команде, втянули головы в плечи, надеясь стать как можно незаметнее, раствориться в воздухе.

В переулке повисла гнетущая, тяжёлая, как свинцовое одеяло, тишина. Сколько прошло времени — минута, пять, десять? — никто из присутствующих не мог бы сказать. Но наконец Гу Хэнчжи, словно устав от этого жалкого зрелища, смилостивился.

— Проваливайте, — бросил он коротко и небрежно, как бросают кость надоевшей собаке.

Лю Цинъян, поджав хвост и не смея даже взглянуть в сторону обидчика, быстрым шагом, почти бегом, убрался из переулочка, спотыкаясь на каждом шагу.

Остальные, кто ещё мог более-менее шевелиться, кое-как, с кряхтением и стонами, поднялись с холодной, грязной земли и, поддерживая друг друга, словно раненые солдаты после проигранного сражения, поковыляли прочь, подальше от этого страшного места. Оживлённый ещё несколько минут назад переулок быстро опустел, и лишь эхо удаляющихся шагов нарушало звенящую тишину.

Гу Хэнчжи выпрямился, отлепился от стены и, подойдя ближе, внимательно оглядел Цзи Линьсюэ с ног до головы.

— Цел? — коротко спросил он, и в голосе его, помимо привычной холодности, послышалась едва уловимая, почти незаметная нотка тревоги.

— Да, — Цзи Линьсюэ шагнул к нему, и взгляд его остановился на сигарете, которую Гу Хэнчжи всё ещё машинально вертел в пальцах.

Гу Хэнчжи, заметив этот взгляд, приподнял бровь с лёгкой, насмешливой улыбкой.

— Ты же сам говорил: в школе курить нельзя, — протянул он, кивая на сигарету. — А мы, если ты не заметил, уже за школой. Территория свободная.

Цзи Линьсюэ, не отводя глаз, сжал губы в тонкую, упрямую линию.

— И за школой нельзя, — твёрдо сказал он.

Гу Хэнчжи усмехнулся — на этот раз усмешка вышла удивительно тёплой, даже красивой,

осветив его обычно хмурое лицо. Когда Цзи Линьсюэ, не спрашивая разрешения, протянул руку, он послушно, без тени сопротивления, разжал пальцы и высыпал сигарету ему в ладонь.

Сигарета исчезла в кармане, а взамен на его собственную ладонь легла маленькая, круглая конфета в яркой, праздничной обёртке.

Светло-серые, прозрачные, как горный хрусталь, глаза Цзи Линьсюэ смотрели на него спокойно и открыто. Голос его, когда он заговорил, звучал чисто и прохладно, как родниковая вода.

— Захочется курить — ешь конфеты, — сказал он просто, без тени назидания.

Гу Хэнчжи промычал что-то неопределённое. На самом деле никакой зависимости, никакой тяги к никотину у него не было — сигарета в руках была скорее данью образу, привычным жестом, за которым можно спрятать ненужные мысли. Но дразнить Цзи Линьсюэ, наблюдать за его реакцией, за этим серьёзным, сосредоточенным лицом оказалось удивительно занятно, и он не стал отрицать очевидного.

Он неторопливо развернул яркий фантик, и свежий, сладкий, чуть терпкий апельсиновый вкус мгновенно растёкся по языку, заполняя рот приятной прохладой. Гу Хэнчжи, жуя, вытянул два пальца и помахал ими перед самым носом Цзи Линьсюэ, привлекая внимание.

— Это уже второй раз, — сказал он, и улыбка его была ослепительной, почти счастливой. — Интересно, как ты собираешься меня благодарить на этот раз?

Цзи Линьсюэ прикусил губу, на мгновение задумался, потом коротко ответил:

— Спасибо.

— И всё? — Гу Хэнчжи шумно втянул воздух, покатав конфету языком, изображая глубокую задумчивость. — Ни капли искренности, одно притворство. Я рассчитывал на большее.

— А чего ты хочешь? — в глазах Цзи Линьсюэ мелькнула тень улыбки, которую он тут же постарался скрыть.

Гу Хэнчжи задумался на пару секунд, делая вид, что тщательно обдумывает ответ.

— Есть же такая старая, мудрая поговорка, — наконец изрёк он с пафосом, — за спасение жизни полагается отдать себя в жёны. Слышал о такой?

Цзи Линьсюэ, не удостоив его ответом, просто развернулся и зашагал прочь быстрым, решительным шагом.

Шёл он быстро, через минуту отдалился метров на десять, и его фигура в сумерках начала расплываться. Гу Хэнчжи, опомнившись, бросился догонять.

— Эй, обиделся, что ли? — крикнул он, поравнявшись. — Я же пошутил, совсем шуток не понимаешь?

Он осторожно, словно боясь спугнуть, тронул Цзи Линьсюэ за рукав.

— Считаю, что эта дурацкая конфета и есть твоя благодарность, — примирительно сказал он. — Квиты.

Цзи Линьсюэ остановился и посмотрел на него долгим, внимательным взглядом, в котором читались смешанные, противоречивые чувства. Гу Хэнчжи всё ещё улыбался, и в этой улыбке, вопреки всему, что Цзи Линьсюэ знал о нём из книг, не было ни тени мрака, ни жестокости, ни высокомерия.

□"Большая, тяжёлая мужская рука сжимала тонкую, незащищённую женскую шею. Глаза его налились кровью, голос звучал низко и глухо, как у демона из преисподней:

— Твоя бабушка всё ещё в больнице, и там, если ты забыла, везде мои люди. Каждый угол, каждая палата. Если ты ещё хоть раз попытаешься сбежать, знаешь, что будет с ней? Догадываешься?

Хватка на шее усилилась, пальцы впивались в нежную кожу, оставляя багровые следы. Когда дыхание женщины стало совсем слабым, прерывистым, когда в глазах её помутилось от недостатка воздуха, Гу Хэнчжи наконец разжал пальцы. Бай Чутан, обессиленный, рухнула на холодный пол, судорожно, со свистом, хватая ртом драгоценный воздух, зажимая горло дрожащими руками.

— Ты... ты шутишь, да? — по щекам её, оставляя мокрые дорожки, текли слёзы, голос охрип и срывался. — Это наши с тобой дела, только наши! Не смей впутывать сюда других! Не смей!

Гу Хэнчжи холодно, даже не дрогнув лицом, усмехнулся, глядя на неё сверху вниз, как на никчёмную букашку.

— Я никогда не шучу. Запомни это раз и навсегда."□

В оригинале, в той дурацкой книжке, Гу Хэнчжи был самовлюблённым, жестоким, не знающим пощады монстром, который не считался с жизнями других и плевать хотел на их чувства. Он был олицетворением зла, антигероем, которого читатель должен был ненавидеть.

А юноша, стоящий сейчас перед ним, хоть и с гонором, со своим непростым характером, но не имел с этим книжным чудовищем ровным счётом ничего общего.

Всего шесть лет. Неужели человек может так разительно измениться всего за шесть лет? Неужели обстоятельства способны вылепить из нормального подростка такое чудовище?

Цзи Линьсюэ и сам не мог до конца понять, что именно он сейчас чувствует — жалость, тревогу, странную, необъяснимую нежность? Но в одном он был уверен твёрдо, как никогда в жизни: он должен помочь Гу Хэнчжи пережить то событие, которое сделает его таким. Любой ценой, чего бы это ни стоило.

Они подошли к двери общежития. Гу Хэнчжи только приложил палец к сканеру, считывающему отпечатки, как дверь с грохотом распахнулась изнутри. На пороге, выпучив глаза от изумления, стоял Шэнь Шаоянь.

— Вы двое! — воскликнул он, тыча в них пальцем. — Вы без меня гулять ходили? Совесть у вас есть?

— Случайно встретились, — невозмутимо, даже не моргнув глазом, соврал Гу Хэнчжи. — Сегодня суббота, ты чего в школе делаешь? Дома надо сидеть, отдыхать.

— А ты ещё спрашиваешь! — Шэнь Шаоянь аж подпрыгнул от возмущения. — Я сегодня к тебе домой припёрся с самого утра, хотел сюрприз сделать, а тебя нет! Если бы не спросил у твоего вредного управляющего, так бы и не узнал, что ты, оказывается, домой даже не заглядывал! А вчера, между прочим, нагло врал мне!

Гу Хэнчжи, выслушав эту гневную тираду, вдруг утратил всё своё недавнее оживление. Лицо его вмиг стало отстранённым, чужим, холодным, словно он воздвиг вокруг себя невидимую, но от того не менее прочную стену, отгораживаясь от любого проявления заботы, от любого вторжения в свой внутренний мир.

— Нечего там рассказывать, — коротко, рублеными фразами, бросил он и, не глядя на друзей, прошёл в комнату.

Шэнь Шаоянь, только что кипевший праведным гневом, мгновенно сник, потух, как догоревшая свеча. Он смотрел на удаляющуюся спину друга с такой щемящей тревогой и болью в глазах, что у Цзи Линьсюэ защемило сердце.

После ужина Цзи Линьсюэ, выбрав подходящий момент, сам нашёл Шэнь Шаояня. Они отошли в тихую, безлюдную рощицу за общежитием, где их никто не мог подслушать.

Цзи Линьсюэ, не тратя времени на предисловия, сразу перешёл к делу.

— Я хочу знать, что случилось с Гу Хэнчжи, — сказал он, глядя Шэнь Шаояню прямо в глаза.

Тот замялся, почесал щёку, явно не зная, как поступить.

— Это... это семейные дела Хэн-гэ, — нерешительно проговорил он. — Мне неудобно рассказывать, не моя тайна. Сам у него спроси, если хочешь.

— Я не прошу рассказывать всё, — настаивал Цзи Линьсюэ. — Просто скажи: у него есть брат?

Он уже пытался самостоятельно найти информацию о семье Гу в интернете, но без толку — все данные были тщательно скрыты за семью печатями. Единственное, что удалось раскопать, — биография его отца, Гу Фэнъяня. Как большой босс в мире бизнеса, он носил кучу громких, ничего не значащих титулов, и влияние у него было колоссальное.

Шэнь Шаоянь помялся ещё немного, но в конце концов неохотно кивнул.

— Есть, — выдохнул он. — Но о брате Хэн-гэ запретил нам рассказывать. Никому. Так что ты уж...

Цзи Линьсюэ понимающе кивнул.

— Я понял, — сказал он тихо.

Гу Хэнчжи слишком гордый. Слишком самолюбивый. Всё, что с ним случается, всё, что причиняет ему боль, он привык хоронить глубоко внутри, никому не показывая, не доверяя никому свою уязвимость. Даже Шэнь Шаоянь, с которым они росли вместе, с которым, казалось, делили всё на свете, многого о нём не знал.

Он вообще никому не собирался ничего рассказывать. Как, например, про ту позорную пощёчину, след от которой до сих пор, наверное, жжёт ему щёку.

И если Гу Хэнчжи позволил Цзи Линьсюэ приблизиться к себе, впустил в своё личное пространство, то только потому, что тот оказался одним из немногих, кто видел его унижение, его слабость, его боль. Он знает его тайну. А это значит, что между ними теперь возможны только два варианта: либо стать самыми близкими друзьями, либо — злейшими врагами. Третьего не дано.

Декабрь. Температура упала резко, безжалостно, без всякого предупреждения. Ещё вчера ласково светило солнце, а сегодня задул ледяной, пронизывающий до костей ветер, от которого у многих на лицах выступили красные, некрасивые пятна, а пальцы коченели даже в перчатках.

Все в классе дружно переоделись в зимнюю форму — чёрные, объёмные пуховики из плотной, непродуваемой ткани, с единственным скромным украшением — вышитым на груди золотой нитью школьным гербом.

Шэнь Шаоянь, как всегда с размахом, купил целую картонную коробку одноразовых грелок и с

победным видом водрузил её рядом со своей партой.

Лу Юй поначалу лениво подкалывал:

— Ты что, филиал магазина открываешь? Или на чёрный рынок решил работать?

Потом, однако, выяснилось, что грелки нужны ему вовсе не для себя, а для его многочисленных, вечно мёрзнущих друзей. Бывших, нынешних, будущих, а также просто симпатичных ему девушек — набралось, наверное, штук тридцать. Лу Юй иногда искренне поражался: как у этого легкомысленного повесы устроена память, что он умудряется держать в голове все эти лица и имена и никогда, никогда их не путать?

Погода в декабре стояла переменчивая, капризная, как избалованная девушка: сегодня мороз, завтра оттепель. Многие в классе уже начали чихать и кашлять, укутываясь в шарфы. Шэнь Шаоянь, раздав почти все грелки, оставил себе штук десять и, недолго думая, зачем-то наклеил их на себя сразу все — под футболку, на спину, на поясницу. Через пять минут ему стало невыносимо жарко, он, красный как рак, скинул пуховик и тут же получил от Лу Юя увесистый подзатыльник и уничтожающий диагноз «псих».

В итоге тот, кто больше всех выпендривался и дурачился, Шэнь Шаоянь, остался цел и невредим, а свалился с высокой температурой, как это часто бывает, самый стойкий — Гу Хэнчжи.

Первым заметил неладное Цзи Линьсюэ. Обычно по утрам они вместе выходили на пробежку, но в это утро Гу Хэнчжи даже не пошевелился, когда прозвенел будильник. Цзи Линьсюэ позвал его — ноль реакции. Потрогал лоб — и отдернул руку: лоб пылал, как раскалённая печь.

Сонные, ничего не понимающие Шэнь Шаоянь и Лу Юй кое-как выползли из кроватей, и вчетвером, кое-как одев больного, они отвезли его в ближайшую больницу.

Гу Хэнчжи горел в огне. Цзи Линьсюэ сидел рядом с ним в машине, придерживая за плечи, и чувствовал, как жар пробивается даже сквозь плотную ткань куртки. Казалось, сам воздух вокруг него плавился и дрожал.

В больнице измерили температуру — под сорок. Осмотрели, сказали, что нужно оставлять на капельницы. Шэнь Шаоянь хотел было сказать: «Давай я останусь, ты иди отдыхай», но Цзи Линьсюэ его опередил.

— Вы идите на уроки, — сказал он спокойно, но тоном, не терпящим возражений. — Я тут побуду. Всё равно у меня сейчас нет ничего срочного.

— Но... — начал было Шэнь Шаоянь.

— Идите, — слабым, но твёрдым голосом поддержал его Гу Хэнчжи, приоткрыв мутные от жара глаза.

Делать нечего. Шэнь Шаоянь с Лу Юем, переглянувшись, ушли. Выйдя из больницы, Шэнь Шаоянь толкнул друга локтем в бок.

— Слышь, — сказал он задумчиво, — тебе не кажется, что эти двое в последнее время как-то... сблизилась? Ну, прямо сильно?

Лу Юй покосился на него с высоты своего роста.

— А ты, гений, только сейчас это заметил? — лениво поинтересовался он.

Шэнь Шаоянь вздохнул, полный драматизма.

— Не по-братски это, — изрёк он. — Сначала Хэн-гэ нос от него воротил, слова лишнего не скажет, а теперь — пожалуйста, прямо на глазах подсуетился, быстрее меня.

Лу Юй аж перекосялся от такого заявления и поспешно отодвинулся подальше.

— Ты, я смотрю, бабник ещё тот, это мы давно знаем, — протянул он брезгливо. — Но чтобы на мужиков потянуло — это, знаешь ли, новость. Сенсация.

— Чего ты несёшь, дурак? — Шэнь Шаоянь аж задохнулся от возмущения. — Я с ним, между прочим, подружиться хотел! По-человечески! Не будь таким извращенцем, у тебя всё мысли только об одном.

Больница оказалась частной, элитной, расположенной неподалёку от школы. Говорили, что в неё вложены немалые средства семьи Гу, уровень обслуживания здесь был европейский, а обстановка напоминала скорее дорогой спа-отель, чем медицинское учреждение. Гу Хэнчжи оформили быстро, без очередей и проволочек, и выделили отдельную, уютную палату со всеми удобствами.

Днём Цзи Линьсюэ ходил в больничную столовую, перекусил на скорую руку и на обратном пути купил в буфете горячий, наваристый куриный бульон и тарелку рисовой каши. Подходя к палате, он услышал приглушённые голоса — это врач разговаривал с Гу Хэнчжи.

Слова доносились обрывками, но общий смысл он уловил: отец Гу Хэнчжи, оказывается, тоже находится в этой больнице, и врач уже счёл своим долгом поставить его в известность о болезни сына.

Заметив вошедшего Цзи Линьсюэ, врач тут же замолчал, профессионально-доброжелательно

улыбнулся ему и, коротко кивнув, покинул палату.

Цзи Линьсюэ поставил поднос с едой на прикроватный столик, открыл крышку контейнера с кашей.

— Есть хочешь? — спросил он, глядя на бледного, осунувшегося Гу Хэнчжи.

Тот полулежал на подушках, подложив руку под голову. Вид у него был измученный, глаза потухшие.

— Накрой, — попросил он тихо. — Не хочу. Совсем.

— Надо поесть хоть немного, — настаивал Цзи Линьсюэ, зачерпывая ложку каши и протягивая ему. — Голодный организм хуже борется с болезнью.

Гу Хэнчжи слабо, но решительно покачал головой. Видя, что он действительно не в силах проглотить ни кусочка, Цзи Линьсюэ не стал настаивать. Он дал ему тёплой воды, помог приподняться, поправил подушку и снова уложил.

Гу Хэнчжи, обессиленный, провалился в сон почти мгновенно. Во сне лицо его, обычно хмурое и напряжённое, разгладилось, стало спокойным и безмятежным. Раскрасневшиеся от жара щёки, влажная, прилипшая ко лбу чёлка — впервые за всё время их знакомства он казался таким... беззащитным, почти ребёнком.

Цзи Линьсюэ сидел на жёстком больничном диване в углу палаты, не сводя глаз с его профиля. Всякий раз, когда за дверью раздавались шаги, он вытягивал шею, напряжённо вглядываясь в коридор. Врач сказал, Гу Фэнъянь тоже здесь, в этой больнице. Может, хоть сейчас, когда сын болен, он вспомнит о своём отцовском долге и зайдёт проведать?

Но он просидел так до самого заката, до тех пор, пока последние лучи солнца не погасли за окном.

Гу Фэнъянь не пришёл.

Гу Хэнчжи спал крепко, как убитый. Даже когда медсестра заходила менять капельницу, он не пошевелился и не открыл глаз. Температура наконец-то спала, жар отпустил измученное тело. Цзи Линьсюэ взял влажное полотенце и принялся осторожно вытирать пот с его лица, шеи, рук.

Он вытирал уже, наверное, минут десять, как вдруг заметил, что щёки у парня, только что бледные, снова порозовели. Даже уши покраснели.

Что, опять поднялась?

Он встревоженно потрогал лоб — нет, температура нормальная. Присмотрелся внимательнее — красные только щёки и уши, а всё остальное лицо обычного цвета.

До него внезапно дошло.

Цзи Линьсюэ, стараясь не выдать себя, спокойно отложил полотенце в сторону, поднялся и, не торопясь, зашёл в туалетную комнату. Постоял там минуту-другую, давая Гу Хэнчжи время прийти в себя, и вышел — как раз в тот момент, когда тот, только что проснувшись, открыл глаза и уставился в потолок.

Их взгляды встретились.

Цзи Линьсюэ, сделав вид, что ничего не замечает, как ни в чём не бывало спросил:

— Пить хочешь?

Краска с лица Гу Хэнчжи уже почти сошла, вернулась привычная бледность. Он молча кивнул, принимая стакан с водой, и сделал несколько жадных глотков, смачивая пересохшее горло.

— Чего не разбудил? — спросил он хрипло, возвращая стакан.

— Врач сказал, что сон — лучшее лекарство, — спокойно ответил Цзи Линьсюэ. — Надо отдыхать побольше.

— Который час? — Гу Хэнчжи огляделся — окна были плотно зашторены, и по свету невозможно было определить время суток.

Цзи Линьсюэ глянул на экран телефона.

— Пять вечера, — ответил он.

Гу Хэнчжи, услышав это, тут же засобиравшись обратно в школу. Температура пришла в норму, лекарства выписали, смысла валяться в больнице дальше не было никакого. Цзи Линьсюэ пошёл оформлять выписку. Проходя по длинному больничному коридору, он услышал, как какой-то ребёнок, выглядывающий из палаты, радостно, взалёб, кричит: «Снег! Снег идёт!»

Когда они, наконец, вышли из дверей больницы, мир за порогом был уже неузнаваем — белый, пушистый, искрящийся.

Огромные, ленивые хлопья падали с тяжёлого, свинцового неба, бесшумно укрывая землю, машины, деревья. Весь город погрузился в мягкое, ватное безмолвие.

Первый снег в этом году обрушился на город так внезапно, так неожиданно, словно и не ждал ничьего приглашения. Просто взял и пришёл — тихо, но властно, заявляя о своих правах.

<http://bllate.org/book/16531/1543591>